

Книга молодого венского слависта Г. Хольцера посвящена довольно редкой (хотя и отнюдь не безызвестной в славистике и балтистике) теме — выявлению заимствований из некоего исчезнувшего индоевропейского языка. Этимологический словарь этих заимствований (с. 47—163) составляет наиболее пространную и, видимо, наиболее значимую часть книги. Исследование балто-славянского материала является для автора не только целью, но и средством, с помощью которого устанавливается существование этого языка, фрагменты его строя и истории. Следует сразу сказать, что автор проявил смелость, изобретательность, разностороннюю эрудицию и умение свести свои разработки в логически непротиворечивую и трудно поддающуюся критике теорию. Его труд отличается продуманностью, а также обзорностью обширного материала (ср. в этой связи суммарный список этимологий на с. 50). Подобная общая оценка не означает, однако, безоговорочного принятия нами далеко идущих результатов исследования Г. Хольцера, обоснованность (resp. необоснованность) которых выявится, вероятно, лишь со временем.

Рецензируемая книга заставляет вспомнить известную в славистике тенденцию к решению этимологических задач на "непрямых путях" [1]. Разница заключается в том, что если в предпринимавшихся ранее попытках обращения к субстрату или адстрату в той или иной степени присутствовал момент отказа от установленных компаративистикой фонетических соответствий (ср. прежде всего работы В. Махека), то у Г. Хольцера аналогичный опыт — существенно модернизированный и изощренный — сопровождается постулированием для определенного круга балто-славянской лексики особой и притом достаточно строгой системы таких соответствий.

Реконструируемый в монографии индоевропейский язык автор называет "темематическим" ("Temematisch"), идентифицируя его в заключительной главе (с. 177—221) с киммерийским. Название "темематический" (тм.) включает в себе указание на два важнейших "закона", отражающих звуковой строй гипотетического языка (с. 13): 1) индоевропейские глухие (tenues) переходят в звонкие (mediae): $p > b$, $t > d$, $k' > g'$, $k > g$, $q^w > g^w$; 2) индоевропейские звонкие придыхательные (mediae aspiratae) переходят

в глухие (tenues): $bh > p$, $dh > t$, $gh > k$, $g^wh > g^w$, $g'h > k'$. Всего же для исторической фонетики "темематического" языка постулируются шесть "законов" (с. 13—14; ср. еще № 3 — переход и.-е. t , f соответственно в тм. ro , lo); в "киммерийской" главе к ним добавляются еще два (с. 179).

В книге осуществляется этимологизация десятков славянских и балтийских слов (а также нескольких киммерийских), относящихся к основным разделам словаря (земледелие, скотоводство, пчеловодство, заготовка припасов, социальное устройство и др.). Независимо от предлагаемых Г. Хольцером конкретных этимологий его критика существующих объяснений анализируемых слов (в разделах "Ältere Etymologie", завершающих каждый этюд) в ряде случаев выглядит справедливой, и уже это обеспечивает его словарю заимствований полезность. Приводимый ниже материал охватывает лишь около трети сопоставлений Г. Хольцера — из числа наиболее "весомых" (для краткости указывается, притом в самом сжатом виде, только славянская часть соответствующих этимологий): **borzda* "борозда" < тм. **borg-dā* < и.-е. **pork-tā* (ср. лат. *porca* "гряды", нем. *Furche* "борозда" и др., с. 50—53); **proso* "просо" < тм. **proso* < и.-е. **bhr̥so* (лат. *far* "хлеб на корню или в зерне, мука", др.-исл. *barr* "ячмень", ср. слав. **borъno*, др.-русск. *boroшно* "мучное кушанье", с. 54—56); **bъro* "просо" < тм. **buro* — тж. < и.-е. **pūro* (греч. *πῦρός* "пшеница, пшеничное зерно", литов. *pūrai* "озимая пшеница", ср. слав. **pyro*, **pyrějъ* и др. "полба, пырей", с. 56—57); **smъrdъ* "крестьянин" < тм. **k'mir-do* < и.-е. **g'hmer-to*, **sebrъ* "крестьянин" < тм. **k'em-ro* < и.-е. **g'hēm-ro* (литов. *žemė* "земля", ср. русск. *земля*, с. 64—72), **těsto* "тесто" < тм. **toik'-to* < и.-е. **dhoig'h-dho* (нем. *Teig* "тесто", ср. слав. **deža* "кадка", с. 73—75), **tele* "теленос" < тм. **tel* < и.-е. **dhēl* (др.-инд. *dhāru* "сосущий", греч. *Θηλή* "сосок", с. 101—102), **drevъ* "древний" < тм. **drewo* < и.-е. **trēwo* (авест. *θraošti* "зрелость, совершение, конец", др.-в.-нем. *trōwen* "созревать, расти", с. 102—103), **ēdro* "грудь, лоно" < тм. **ēdro* < и.-е. **ētro* (греч. *ἥτρον* "сердце", *ἥτρον* "живот, брюшная полость", с. 107—109), **zobъr* "зубр" < тм. **g'om-ro* < и.-е. **k'ām-ro* (др.-инд. *sāma* "безрогий", греч. *κνράς* "молодой олень", с. 109—111), **sveperъ* "медовые соты" < тм. **syep* < и.-е. *(s)*uebh* (др.-в.-нем. *weban*

"ткать, плести, прясть", *waba, wabo* "медовые соты", с. 118—121), **troþ* "трутень" < тм. **tron-* < и.-е. **dhrōn-* (греч. *Θρόνος* "трутень", нем. *Drohne* тж., с. 121—122), **svobodъ* "свободный" < тм. **syo-bodī-* < и.-е. **syo-poti-* (др.-инд. *svāpati-* "господин над самими собой, тот, кем никто не повелевает", ср. лат. *sui potens* "независимый", с. 129—132), **mьsta, *mьstь* "месть" < тм. **mistā-, *misti-* < и.-е. **misdhā-* (др.-инд. *mīdhā-* "приз", греч. *μισθός* "плата, награда", ср. слав. **mьzda* "мзда", с. 139—140), **pъtati/*pytati* "обращать внимание, спрашивать" < тм. **putā-* и.-е. **bhudhā-* (греч. *πύθομαι* "узнаю, спрашиваю", литов. *budrūs* "бодрый", ср. слав. **bьděti* "бодрствовать, бдеть", с. 140—142), **ne-pъtja, *ne-pъtь* "предлог, подозрение, предположение" < тм. **pitjā-, *pitji-* < и.-е. **bhidh-jā* (греч. *πειθω* "уговариваю, убеждаю", лат. *fīdō* "верю, доверяю, полагаюсь", ср. слав. **bьditi* "принуждать, губить, убеждать", с. 142—144), **porkъ* "стенобитное орудие, праща" < тм. **porko-* < и.-е. **bhorgo-* (гот. *bairgs* "замок, башня", др.-в.-нем. *burg* "замок", ср. слав. **bergi* "беречь", с. 147—150), **ędro* "ядро" < тм. **endro-* < и.-е. **entro-* (др.-инд. *āntara-* "внутренний", греч. *ἐντερα* "внутренности", ср. слав. **qtro* "нутро", с. 159—160), **golqъb* "голубь" < тм. **golumbo-* < и.-е. **kolumbo-* (лат. *columbus* "голубь", с. 161—162).

Удивительно, что автор полностью обошел молчанием развиваемую рядом ученых с начала 70-х годов "глоттальную" теорию индоевропейского консонантизма, обосновывающую, в частности, новое понимание диахронической выводимости германской и армянской систем [2] (в последних традиционно видели инновацию, результат передвижения индоевропейских смычных). Впрочем, и в терминах "глоттальной" теории, и в терминах "классического" варианта индоевропейской реконструкции предложенные Г. Хольцером правила выведения, а по существу — передвижения "темематических" смычных в принципе не содержат в себе ничего невероятного. Но постулируемое в книге передвижение и сам консонантизм "до сих пор неизвестного" языка (сохраняющего палатальный ряд гуттуральных, но, может быть, и лабиовелярных, с. 14), несомненно, нуждаются в типологической верификации, отсутствие которой представляется серьезным упущением.

Реконструкции Г. Хольцера не добавляет убедительности тезис о сохранении чистых звонких (с. 14), основывающийся, кажется, всего на трех примерах, один из которых — название голубя (с и.-е. **-b-* > тм. **-b-*). Два других затрагивают и.-е. **d*. Слав. **bedro*

"бедро" объясняется из тм. **bed-ro-* тж., далее к и.-е. **ped-ro-*, деривату **pēd-/pōd-* "нога", что противоречит широко известному семантическому противопоставлению "Bein" : "Fuß". При этом наряду с тм. **bedro-* "бедро" реконструируется не более правдоподобное тм. **bedro-* "перо, крыло" (откуда некое слав. **bedro-* тж., фундаментальность которого с позиций славянских данных отнюдь не очевидна, ср. [3]), рассматриваемое как рефлекс и.-е. **petro-*, ср. др.-инд. *patra-* "перо, крыло" и т.п. (с. 111—117). К упомянутому и.-е. **pēd-/pōd-* "нога" апеллирует и второй пример с и.-е. **d*, содержащий объяснение русск. *лебеда* и аналогичных славянских названий того же растения (с. 60—64), этимологизируемых из тм. **elbedā-/elbōdā-, *olbōdā-, lobedā-/lobōdā-* "лебеда" и, далее, из индоевропейского сложения типа **l-pedā-* "лебеда", собственно "гусиная лапка". Но подобное сложение за пределами реконструируемого Г. Хольцером языка все-таки не встречается.

Стремясь сделать свой подход к материалу максимально объективным, что, конечно, можно только приветствовать, Г. Хольцер в главе "Критерии оценки этимологии" (с. 21—49) дает весьма своеобразное изложение принципов этимологического анализа. "Правильная" этимология (в отличие от "корректной", т.е. в принципе возможной, с. 13), согласно критериям Г. Хольцера, которые, впрочем, в той или иной степени были известны и ранее, предполагает для этимона, во-первых, большую длину корня (так, слав. **poto* "путо, узы" лучше объяснять из тм. **ponto-* "тж." < и.-е. **bhondho-* "тж.", нежели относить, как обычно, к слав. **pe-ti, *pъ-nq*, см. с. 23—24, 84—86); во-вторых, большую "четкость" корня (литов. *tvėrti, tverti* "охватывать, огораживать" лучше сравнивать не с греч. *σβρος* "урна, гроб", как обычно, так как греческое слово теоретически может восходить к и.-е. **tyor-, *tjor-* или **dhjor-*, но к "однозначному" тм. **tyerje-*, деривату **tyer-* "ворота, дверь" < и.-е. **dhyēr-* и т.п. "затвор, дверь", см. с. 26, 81—84); в-третьих, большую подтвержденность (продолжения и.-е. **dhyēr-* и соответствующих апофонических вариантов засвидетельствованы во многих языках, а сближение с греч. *σβρος* изолировано). Для плана содержания "правильного" этимона выдвигаются критерии: большей близости значений сопоставляемых слов; меньшего "объема значения" (объяснение упомянутого литов. *tvėrti*, как и слав. **za-tvoriti* "закрывать" из тм. **tyer-/tyor-* привлекательно для Г. Хольцера и конкретностью, определенностью исходной семантики типа "за-

дверить", с. 37); меньшего количества синонимов (например, в силу того, что для индоевропейского иногда выделяют более 30 корней со значением "бить", этимон, выбранный из их числа, вызывает сомнения, с. 39).

Если формулируемые Г. Хольцером критерии в целом могут быть оценены положительно, то их авторское использование представляется спорным. Между тем, осуществляемый в книге этимологический анализ полностью основан на этих критериях и зависит от специфики их авторского применения. Используемые Г. Хольцером критерии, при всей их важности, относительно и не обеспечивают подлинного решения задач этимологии, которые в свое время были сформулированы как "определение координат разных систем (фонологической, лексической, семантической, поэтической и т.п.), пересечение которых порождает данное слово..." [1, с. 49]. Критерии Г. Хольцера, по особенностям их авторского применения, — скорее все-таки средство оправдания "темематических" этимологий, но не свидетельство правильности последних. Характерное для рецензируемого исследования внимание к плану содержания, выражающееся, в частности, в приоритете семантических критериев, целиком основывается на статическом (а иногда и несколько произвольном) подходе к семантике, когда расчет строится лишь на сравнении слов с идентичными или близкими значениями. Это вновь напоминает В. Махека, сопоставления которого использует Г. Хольцер.

Согласно автору, "темематический" этимон слав. **pqto* (ср. у В. Махека сближение этой лексемы с нем. *binden* "связывать", предвосхищающее версию Г. Хольцера [4]) способен объяснить все это слово целиком, включая *-t-*, в то время как "обычная" этимология в связи со слав. **peti* объясняет лишь **pq-* < **pon-*), причем *-t-* приходится считать суффиксом, как и в тех воображаемых случаях, если бы "путы" обозначались в славянском лексемами вроде **pq-ko*, **pq-do* и т.п. (с. 23). Обращаясь к примеру с **pqto* при обсуждении критерия "четкости" корня (с. 31—32), автор исчисляет логически возможные индоевропейские этимоны, допустимые при "обычном" и "темематическом" подходах, снова приходя к выводу о преимуществе последнего. При подобной логике, грозящей превратить критерии длины и "четкости" в орудия парадоксальной разновидности корневой этимологии, не остается места для того, чтобы учесть вхождение **pqto* в соответствующий словообразова-

тельный ряд, чему удовлетворяет отвергаемая Г. Хольцером общепринятая этимология [5], ср. соотношение **pq-to* "путь": **delb-to* "долото", **plu-to* "поплавок", **si-to* "сито" и др. [6, 7].

К сожалению, Г. Хольцер никак не комментирует принимаемое им заимствованное происхождение целых "пучков" фактов (случай с **pqto* как раз не очень показателен, ср. выше пример с названием лебеды или еще реконструкцию тм. **tjer-/tjur-*, **tjoro*, **tjorto* "ворота, дверь", с. 81, тм. **tejk'ā-*, **toj'k'o-* "нечто давящее, пресс", **toj'k'to-* "тесто", **toj'k'no-* "тесный", с. 73—75), отношения между которыми с большим или меньшим успехом объяснимы в терминах славянской и балтийской семантической эволюции, апофонии, суффиксального или флексийного варьирования и т.п. Тм. **ponio-* и **poniā-* "путь", как и тм. **poni-* "тж." (из которого Г. Хольцер выводит литов. *pántis* тж., обычно сближаемое с литов. *pinti* "плести", ср. слав. **peti*) в этом смысле тавтологичны по отношению к соответствующим славянским и балтийским реконструкциям.

Сказанное в той или иной степени касается всех этимологий Г. Хольцера (что само по себе, разумеется, еще не является доказательством их неправильности), подробное обсуждение которых здесь затруднительно. Можно было бы остановиться, например, на весьма спорной трактовке лексической семантики при попытках (с. 57—58) отделить друг от друга рефлексы слав. **krotiti* "кастрировать" от **krotiti* "укрощать" (последнее выводится из тм. **kroto-* "укрошенный" < и.-е. **ghr̥dho-* и др. "охваченный, огороженный", с. 77), **zvop̥* "колокол" от **zvop-* в фитониме типа болг. *звоница* "растение *Hypericum perforatum*" (< тм. **g̥hon-* "собака" < и.-е. **k̥udh-* тж., с. 86—90), литов. *laisyti* "приготавливать", лтш. *lāist* "делать, готовить", от слав. **jēšiti* "тешить, успокаивать" (слав. < тм. **tej-/toj-* "сосать, кормить грудью", с. 96), слав. **bolna* "белое пятно на коже рога" от **bolna* "икура, кожа" (< тм. **bolnā* "тж." < и.-е. **polnā-* "тж.", с. 103—104), **gol̥* "голый" от **golēn̥*, **golēno* "голень" (< тм. **gol-* "голень" < и.-е. **kōl-*, ср. рус. *колéно*, с. 105), **gьmь* "печь" от **gьmь* "горшок" (< тм. **q̥irno-* "горшок" < и.-е. **q̥erno-* "горшок, котел", с. 126—127).

Для тестирования "темематических" этимологий на реальность более существенны, однако, не эти и им подобные возражения (которые сами могут быть оспарены). Нельзя исключить, что среди предлагаемых Г. Хольцером сравнений может быть какое-то число правильных. Сюда относится,

во всяком случае, сравнение слав. **golqby* и и.-е. **kolumbo-* (многократно обсуждавшееся — в частности, в связи с проблемой посредства неизвестного языка, ср. [3, вып. 6, с. 216—217]). Возникает, однако, вопрос, в какой степени правомерна (и правомерна ли вообще) процедура экстраполяции на балто-славянский материал устанавливаемого в данном случае соотношения и.-е. **k* ~ слав. **g* и предполагаемой на его основе цепочки и.-е. **k* > тм. **g* > слав. **g* с применением упомянутых выше критериев анализа, ср. характерное объяснение слав. **gojь* "покой, мир" < тм. **g'ojo-* и.-е. **q'ojo-* "покой" (обычное сближение **gojь* с **gojiti* "лечить, холить, давать приют" отклоняется, потому что оно "семантически хуже, чем тм. этимология", с. 138). Несмотря на то, что Г. Хольцер, судя по всему, основательно проверил на "темематическое" происхождение балто-славянскую лексику, мощный пласт "темематических" заимствований при последовательном применении открытых им "законов" и критериев анализа может расширяться все дальше и дальше, в частности, при обращении к диалектным данным. Здесь, видимо, не очень диагностичны сопоставления, опирающиеся на соответствия и.-е. **b*, **d*, **g* > тм. **b*, **d*, **g*, хотя ничто не мешает, как будто, очень многочисленным этимологиям вроде слав. **zab-ot-a* "забота" < тм. **g'āb-* < и.-е. **g'āb-* "смотреть, искать глазами" (ср. [8]). Можно, однако, в порядке эксперимента отыскать и примеры другого рода, обратившись хотя бы к русскому материалу (диалектные данные приводятся по [9]): диал. *bázgaty* "пробивать шурф" < тм. **bāg'gā-* (< и.-е. **pāg-* или **pāk'-* "закреплять вбиванием, вколачиванием") (тм. **bāg'gā-* хорошо подстраивается к описываемому Г. Хольцером ряду производных на **-go/-ga-*: **borg'go-* или **borg'gā-* "борозда" > серб.-хорв. *brázgati* "проводить борозды" и т.п., с. 172); диалектн. *bodvā*, *bodovē* "нижний венец, прогон, основа сруба" < тм. **bod-* < и.-е. **pod-* "земля под ногой" (ср. слав. **podь* "пол, низ", русск. *под*, *подовье*); диалектн. *блик* "блестящая лысына" < тм. **bliko-* < и.-е. **plēi-*, **plī-* "голый, лысый" (ср. литов. *plėikė* "лысына"); *póle* < тм. **pol-jo-* < и.-е. **bhel-* "белый" (к семантике ср. литов. *laikas* "поле" = "белое"); пол *"Fußboden"* < тм. **pol-* < и.-е. **bhel-* "доска, брус, пластина"; *чeмá* "ровня, пара" < тм. **ketā* < и.-е. **ghedh-* "соединять,

подходить" (ср. нем. *Gatte* "супруг" и др.); диалектн. *кур* "черт" < тм. **koq-ro-* < и.-е. **ghoq-ro-* "страшный"; диалектн. *gābāty* "бороться" < тм. **gāb-* < и.-е. **kap-* "хватать". Данные сопоставления, при всей их очевидной надуманности, едва ли намного хуже, чем многие сопоставления Г. Хольцера, — в частности, для русск. диалектн. *зeнo-тāть* "сидеть без дела, бездельничать", *зeнькa* "разиня", *зeндeль* "ленивый, неповоротливый человек" < тм. **g'eno-* "пустой", *зoнa* "головная" < тм. **g'onā-* "пустые колосья" (< и.-е. **k'en-* "пустой, ничтожный", с. 59) или для др.-русск. свербяны "дикорастущий, злой, яростный" < т.м. **k'yer-* < и.-е. **g'hūēr-* "зверь" (с. 78—81), русск. *пузāть* < тм. **pouq-* < и.-е. **bhegg-* "тж".

Очень спорной представляется идентификация "темематического" с киммерийским — языком, данные о котором настолько скудны (ср. довольно богатые сведения о самих киммерийцах — в античных и ассирионавиловских клинописных текстах), что об этнониме "киммерийцы" (греч. *Κιμμέριοι*) приходится говорить как о едва ли не единственном относительно надежном факте этого языка. Г. Хольцер реконструирует для данного этнонима тм. **k'mera-* < и.-е. **g'hmero-*, далее к и.-е. **dhg'hem-* "земля" (с. 180—187), на котором он возводит и тм. **k'mirdo-* > слав. **smьrdь* "крестьянин, мужик" (с. 64—68). Последнее часто сближают со **smьrděti* "вонять" [10], хотя это и проблематично. Что касается сближения **smьrdь* с названием киммерийцев, то с ним трудно согласиться уже в силу того, что исходную форму этого этнонима восстанавливают прежде всего на основе ассирийских данных, в виде **gimē(t)r-* (см. подробнее [11]). Гидроним *Távaiç* "Дон" Г. Шрамм объяснял из иран. **danaqi-* [12], и это все-таки правдоподобнее, нежели исходить из тм. **tana-* < и.-е. **dhono-* "течение" от **dhen-* "течь", как это делает Г. Хольцер (с. 190—192).

Исследование Г. Хольцера вполне могло бы быть названо революционным для славянской и балтийской этимологии. Однако поспешное принятие результатов этого исследования (с. [13]) едва ли оправдано. "Темематические" этимологии (оставляющие общее впечатление искусственных конструкций) скорее не распуывают, а разрубают "гордые узлы" этимологических проблем. Работа Г. Хольцера вместе с тем ставит этимологов перед необходимостью еще раз серьезно задуматься над доказательностью исследовательской аргументации, и одно это кажется достаточным для положительной оценки рецензируемой книги.

¹ Вопрос о подлинной этимологии указываемых ниже слов (достаточно хорошо известной) мы за недостатком места не касаемся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // ВЯ. 1960. № 3. С. 45.
2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I. Тбилиси, 1984. С. 35—44.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I. М., 1974. С. 179—180.
4. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1971. S. 476.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. III. М., 1987. С. 292.
6. Slawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. II. Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 38—40.
7. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 117, 137.
8. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959. S. 349.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—25. М.; Л., 1965—1990.
10. Słownik starożytności słowiańskich. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975. S. 312—316.
11. Ivančik A.I. L'ethnonyme "les Cimmériens" // Балканско езикознание. 1989. № 1.
12. Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973. S. 197.
13. Мартынов В.В. Презумпция генетической соотнесенности и верификации в компаративистике // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе: Тез. докл. конференции памяти В.М. Иллича-Свитыча. М., 1990. С. 41.

Аникин А.Е.

Modern Icelandic syntax. San Diego; New York; Boston; London; Sydney; Tokyo; Toronto: Academic Press, 1990. 443 p.

Рецензируемая коллективная монография отражает новейшие результаты работы лингвистов Исландии, США и Австралии в области генеративной грамматики современного исландского синтаксиса. Генеративная грамматика, описывающая прежде всего компетенцию говорящего, содержит, как правило, три основных компонента — синтаксический, семантический и фонологический [1], из которых два последних выполняют интерпретирующие функции по отношению к первому. При этом не существует иного аспекта лингвистического исследования, более нуждающегося в ясной и тщательной формулировке, нежели проблема связи между синтаксисом и семантикой. В связи с этим возникает вопрос: «каким образом синтаксические механизмы, находящиеся в данном языке, "работают" при фактическом употреблении этого языка?» [2, с. 504]. В генеративную грамматику вводятся два уровня синтаксического представления: глубинный и поверхностный. Целью синтаксического описания является исчисление всех глубинных и поверхностных структур, а также установление между ними строгого соответствия. Общая схема формирования речевого высказывания, предложенная генеративистами, состоит в том, что созданию предложения предшествует появление какой-либо глубинной структуры, для пре-

вращения которой в поверхностную требуется серия мыслительных операций, определяемых как трансформации [3].

Рецензируемая монография состоит из Предисловия и шести частей. Авторы первой части ("Порядок слов") — Х. Траинссон, Х.А. Сигурдссон и Дж. Мэйлинг, второй ("Глаголы и их аргументы") — А. Эзнэн, Дж. Мэйлинг, Х. Траинссон, А. Эндрюз, С. Андерссон, третьей ("Возвратные местоимения") — Дж. Мэйлинг, Х. Траинссон, Х.А. Сигурдссон, четвертой ("Координация") — Е. Рёгнвальдссон, Дж. Брезнан, Х. Траинссон, пятая часть ("Дистантные зависимости") написана Дж. Мэйлингом и А. Эзнэн, шестая часть, содержащая библиографию, была составлена Х. Траинссоном и Е. Рёгнвальдссоном. Библиография включает работы по исландскому синтаксису, в частности диахроническому.

Несмотря на то, что в последнее время термин "порождение речи" может связываться с исследованием реального протекания речевой деятельности, т.е. приобретения нового смысла [4], в рецензируемой монографии данное понятие непосредственно взаимодействует с теорией генеративной грамматики.

Следует подчеркнуть, что одной из причин выбора исландского языка в качестве основного объекта исследования явилось наличие в этом языке богатой падежной системы